

ПРИЗНАНИЕ

Гармония цвета в душе

Президиум Национальной академии наук Беларуси присудил премию им. ак. В.А. Коптюга 2010 года за работу «Трансформации белорусской фольклорно-этнографической традиции в Беларуси и в Сибири» коллективу авторов: Е.Ф. Фурсовой (ИАиЭ СО РАН), А.А. Люцидарской (ИАиЭ СО РАН), А.В. Титовцу (Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы Национальной академии наук Беларуси), Т.К. Тяпковой (Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы Национальной академии наук Беларуси), А.И. Голомянову (Новосибирский государственный аграрный университет), Р.Ю. Федорову (Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской Академии наук).

Наш корреспондент Елизавета Садыкова побеседовала с доктором исторических наук Еленой Федоровой Фурсовой об исследованиях, которые проводит Институт археологии и этнографии СО РАН совместно с учеными Беларуси.

— Премия имени В.А. Коптюга была получена нами за исследования, которые проводились совместно с Институтом искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Национальной академии наук Беларуси. Проект длился практически пять лет при поддержке РФФИ (Белорусского фонда фундаментальных исследований). Тематика была связана прежде всего с исследованием ареально-локальных традиций белорусских поселенцев Сибири. Мы занимались исследованием механизмов традиционной народной культуры, способствующих эффективной и гармоничной организации современного социокультурного пространства на древнеславянской территории Беларуси и земель, позже освоенных славянами в Сибири. Традиционными, в нашем понимании, являются народные культуры, которые не только сохраняются из поколения в поколение, но и самовоспроизводятся, тем самым сохраняя и гарантируя стабильное и долгосрочное функционирование определенного этноса, а значит, и государства в целом. Обоснование теоретических основ необходимости существования множественности локальных традиций для нормального существования этноса, его культуры, опирается на материал, собранный нами в конце прошлого и начале нынешнего века. Полученные теоретические и практические выводы могут быть использованы в решении актуальных проблем этнографии, таких как статичность и динамичность этнических традиций, общее и особенное в культуре этноса в процессе освоения новых территорий, межэтническое взаимодействие на примере конкретных форм традиционной культуры. Совместное сотрудничество с учеными Беларуси позволило на новом уровне рассмотреть значение и роль механизмов традиционной народной культуры в условиях стремительно меняющегося и глобализирующегося мира.

— Елена Федоровна, скажите, пожалуйста, в чем заключается новизна вашего исследования?

— Специфика проекта и его научная новизна заключается в наличии материала для сравнительного изучения. Наблюдая жизнь и быт переселенцев из определенных белорусских уездов, волостей, деревень, мы затем имели возможность работать в этих населенных пунктах современной Беларуси. Мы изучали, как происходила трансформация традиций под влиянием изменившихся условий, ведь для того, чтобы выжить, любой культуре приходится меняться. Исследования показали, что выживание культуры — это её трансформация, многообразие, разнообразие ареально-локальных традиций. И на примере белорусской культуры нам удалось это зафиксировать.

— И когда выходит книга об этом?

— Планируем в первом полугодии 2011 года. Называть её она будет «Белорусы в Сибири: сохранение и трансформация этнической культуры». Авторы книги — наши и белорусские, белорусы пишут о сохранении культуры со своих позиций, ведь они являются не просто исследователями, а еще и представителями данного этноса, носителями культуры. У сибирских ученых взгляд как бы со стороны. А.В. Титовец и Т.К. Тяпкова представляют белорусскую сторону, А.А. Люцидарская, А.И. Голомянов и я — сибирскую, и еще один автор — из Тюмени (Р.Ю. Федоров). И такой перекрестный подход дает много интересного. Согласно договоренности, книга должна выйти как у нас, так и в Беларуси. С белорусью сотрудничество получилось очень плодотворным, и работу хотелось бы продолжить. Нашими исследованиями также заинтересовалась Национальная академия наук Украины. Стало очевидно, что здесь, в Сибири, в силу определенных обстоятельств и стремления сохранить себя в инокультурном окружении традиции других народов прекрасно сохранились. Здесь, например, встречается славянская архаика, которую больше нигде не зафиксируешь.

— Как вы вообще вышли на эту тему?

— Я специалист по восточно-славянским народам. Моя кандидатская была посвящена традиционной одежде русских старожилов Приобья, докторская — календарным обычаям и обрядам восточно-славянских народов. Я считаю, настоящий исследователь обязательно должен работать «в поле», иначе всего культурного многообразия просто не увидишь. Именно благодаря полевым исследованиям удалось выяснить, что могилевские, витебские, гродненские, киевские и черниговские группы очень своеобразны по культуре и различаются как между собой, так и, конечно, отличаются от сибиряков-старожилов.

— Каким образом белорусские переселенцы попадали в Сибирь, что подтолкнуло их к этому, ведь расстояния-то пришлось преодолеть немаленькое? Это, наверное, было последствие столыпинских реформ? С какого времени они начали здесь появляться?

— Белорусы волнами переселялись в Сибирь начиная с XVII века. Причины были самые разные. В нашей монографии первая глава посвящена белорусам в Сибири XVII века и их культурному вкладу. Основная масса прибыла сюда с переселенцами конца XIX века и, конечно, в связи со столыпинскими реформами. Особенно богаты переселенцами Могилевская, Витебская, Гродненская, Гомельская губернии. Опять же, нашими исследованиями было зафиксировано,

что не только этнические белорусы переселялись в Сибирь, но и многочисленными русские, обитавшие на территории Беларуси, и прежде всего старообрядцы. Очень интересно было проследить, как межкультурные процессы срабатывали в среде старообрядчества, в окружении белорусской культуры и ее носителей и трансформировались в Сибири.

Известно, что старообрядцы — это замкнутая группа. Но, как показали наши исследования, с одной стороны, они сохранили северно-русские традиции, а с другой, благодаря бракам с белорусами, у них можно встретить архаичные пласты белорусской культуры (в свадебной, крестильной, календарной обрядности), более глубокие по сравнению с теми, что мы наблюдаем сейчас в Беларуси.

В прошлом году мы ездили в Полоцкий район Витебской области — «рассадник» старообрядчества Беларуси и обратили внимание, что там старообрядческие традиции модернизированы по сравнению с сибирскими. Хотя в Беларуси старообрядцы тоже живут уединенно, в лесах.

У них хорошо сохранилась этническая культура, в том числе русско-белорусского происхождения, когда на северно-русскую основу наслоились белорусские включения и получилась очень своеобразная славянская культура. При этом этническое сознание у них четко русское.

Кроме того, мы, безусловно, изучали и этнических белорусов — православных, католиков. И хотя первые сведения о белорусах в Сибири относятся к XVII—XVIII векам, как было сказано выше, но сюда они ехали вплоть до 30-х годов XX века. Приезжали на стройки, переселялись целыми семьями, укоренились. Некоторые рассказывают, что очень скучали по своей родине. «Выйдем за бор — как гукнем, как гукнем (заплачем), а ворочаться не за что (не на что, нет денег). Привезли — и все». На Родине, как вспоминали пожилые люди, был налаженный быт, устоявшиеся обычаи, а «здесь даже куличи на Пасху не освятишь — нигде». Как вспоминал один из информаторов, люди собрались встречать Пасху в одном из домов, запели пасхальные песнопения, да и зарыдали все в голос. Таких рассказов сохранилось множество.

Интересные были рассказы и о встречах с местным населением, первых годах жизни в Сибири. Местное население — старожилы-чалдоны — были люди обеспеченные, с городским бытом. Опять же приведем воспоминания белорусских переселенцев с характерным для них диалектным произношением. «Едут обозы с белорусами. Те были в белых холщовых расшитых рубахах, лаптях, как полагаются по сельским меркам. Чалдоны и спрашивают: «Что за люди, откуда едите?» Да вот, отвечают, такие-то, оттуда-то едем — с Могулёва. Чалдоны спрашивают: «А бульба там родить?» Те отвечают: «Родить, родить?». «А жито родить?» «Родить», — отвечают белорусы». Чалдоны долго удивлялись, зачем белорусы ехали в такую даль, если у них все есть. В условиях сибирского многоземелья было трудно понять, что где-то земли может и не хватать.

Интересно, что трансформировав свою культуру здесь, в Сибири, они сохранили свою сущность: заходишь в дом и сразу становишься ясно, что здесь живут белорусы, даже если не сохранился говор.

— По каким чертам это видно?

— Во-первых, яркость убранства. Вышитые полотенца, рушники, яркие платья (даже современные) из тканей с маками, розами и т.д. Особая тема — орнаменты. Важная составляющая белорусской культуры — это оформление интерьера, причем в многоцветном варианте, с огромным количеством орнаментов, расшито все — рушники, скатерти, и это вполне вписывается в современное жилище и дает ощущение праздника. Для себя этот феномен я отметила давно и назвала «гармония цвета в душе». Белорусы — истинные мастера цвета, и это нашло отражение в женских рукоделиях. Где еще встретишь такие чудные вышивки, тканьё, брачное ткачество, которое является редкостью даже на территории Беларуси. Причем сохранились архаичные мотивы. Всё это семантически, читаемо, ведь любой орнамент — это текст, в котором закодированы глубокие древние представления о мироустройстве, земле, космосе. Не случайно эти полотенца до сих пор используют в некоторых обрядах. Так, например, матери обтирают этими рушниками больных детей, на родительский день их вывешивают на иконы, на фотографии родственников. Сохраняется и много поверий, связанных с рукоделием. Эти рушники хранят в семье и не отдают музейщикам. И для нас, исследователей, очень важно, что сохраняются не просто рукоделия, а весь комплекс древних представлений, связанных с ним.

У белорусов особая ментальность. Это очень душевные люди, обязательно накромят, напоят, пустят на ночлег. В белорусских деревнях, что в Сибири, что в Беларуси своеобразная обстановка — все аккуратненькое, чистое, камерная обстановка. Нас, конечно, поражают в Белоруссии дома с аистами на крыше.

— С трудом верится, что в современном мире, тем более в нашей стране, можно жить, сохраняя традиции предков. Неужели у сибирских белорусов это получилось?

— Удивительно, но в народной толще традиции сохраняются. Безусловно, есть и утраты, в частности, в свадебной обрядности. Столбовой обряд — выпечка куличей, караваев у нас в Сибири не фиксируется, и, кстати, в Беларуси это тоже утрачено. Что касается календарной обрядности, то в Сибири она сохранилась даже лучше — новогодние колядки, зазывание весны, выпечка жаворонков... В народе жива

очень тесная связь с природой. И представления, связанные с природознанием — о птицах, животных, растениях, о небесных телах, находятся на грани мифологии и наблюдательности. Вот почему так важно сохранять природу — леса, реки, озера, ведь в народной культуре собирательство дикоросов, рыболовство, охота до сих пор представляют важную составляющую жизнеобеспечения.

— А они свои церкви строили?

— Конечно, скидывались всем миром и строили, раньше это было принято. Например, в Новосибирской области много приходов было построено переселенцами из Беларуси, был и католический костел. Белорусы-католики живут в деревне Тынгыза. В Минске на конференции в Институте искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы нас спрашивали, почему так хорошо сохранилась именно духовная культура. Есть разные уровни культуры. Статичные элементы, которые нельзя изменить, сохраняются при любых политических системах, позволяя сохранить дух народа, его самобытность, а переменные помогают приспособляться. И духовная культура — это то, что позволяет народу выжить, выстоять в любых условиях. Белорусы, кстати, кое-что научили и многоопытных сибиряков. В том числе — в ряде северных районов Новосибирской области выращивать огурцы и помидоры.

— Неужели сибиряки не умели их выращивать?

— Огурцы во многих местах Сибири выращивали, а вот помидоры начали появляться только после Второй мировой войны, до этого их вообще здесь не знали. Как мне рассказывал один старичок из Васюганья (потомок переселенцев из Гродненской губернии), когда он их начал сажать, кто-то из местных жителей пришел посмотреть и говорит: «У, какое сатанинское зелье!» Что с ними делать — тоже не знали. У пришлых славян были хорошие земледельческие навыки, и они оказали положительное влияние на развитие местного огородничества и садоводства.

— Белорусские строения отличаются от наших?

— Да, у них срубные дома на высоком подклете, покоеобразная планировка усадеб. По всему периметру хозяйственные постройки — овины, курятники, сарайки, обязательно есть помещение-мастерская для хозяина.

— А что они переняли у сибиряков?

— По рассказам, они надеялись пережить зиму в лаптях и шерстяных носках, но потом стали приглядываться, в чем ходит местное население. Начали покупать пимы, потом научились их катать сами. Изобретательность дошла до того, что начали делать снегоступы — огромные башмаки из соломки, которые надевали на пимы и ходили в них по снегу, как пингвины. Переняли тулупы, заимствовали меховые шапки-долгоушки, часть одежды была заимствована, а часть просто трансформировалась — ушло название или она утеплена. Новая межсезонная одежда помогла белорусам адаптироваться в сибирских условиях.

— Есть ли какие-то коренные отличия в наших кухнях?

— Недаром белорусов русские старожилы звали бульбишниками. Бульба у них коронная еда, причем столько блюд из картошки нет ни у одного другого народа. И когда я в семье вместо «картошки» или «картопли» (по-украински) слышу «бульба», понятно, что эта семья с белорусскими корнями.

— Может быть, есть какие-то особые белорусские приметы?

— Приметы, поверья у них, конечно, общеславянские. У всех славян есть примета, если кукушка кукует на голый лист — к голодному году, на распустившийся — к сытому. У сибирских белорусов (в Беларуси я этого не встречала) сохранилось поверье в русалок — водных дев. Вначале я относилась к этому пласту фольклора скептически, так как о русалках рассказывали в основном мужчины, возвращающиеся откуда-нибудь с пашни, навеселе. Но когда и женщины стали рассказывать о встречах с этими мифическими существами, материала набралось на целую главу.